

Между тем приспел брат мой, иже ходил за денгами и за иными вещми ради меня. Егда сей господин меня свободна учинил, пошли мы к морю, идеже карабль готов был к нашему отъезду. До начатия сего путешествия пошел я тое жену посещати, которая наперед сего влюбилась в меня, ибо мыслил, что шше наипаче прежняго любити будет, егда человеком есмь. Пришедши к ней, была она zelo рада и желала со мною ясти, пити и спати, мысля ныне наипаки похоти от меня получитьи.

Егда мы отужинали, вымазали меня мазью и положили мне на главу серебрянной венец, ^цпонеже от оных цветов человеком стал быти. ^чПриспевши время || спати, розделся я наг, дабы ея на издевку потешить, ибо имеет ныне мужа вместо осли. Но егда меня увидела нага и все прилежно осмотрела, плюнула она мне в глаза, понеже видела, что я по-человеческу убран, и сказала: «В тотчас з двора долой! Пойди со иною спать!» Я стал ея спрашивать: «Чего ради тако говориши?» И она отвещала мне: «Того ради, что не тебя, но осла любила, и спала я с ним, а не с тобою. Я чаела, что ты точию подобие ослное сложил, а что я любила оставил. Ты уже не имеши того, иже во осле приятно и притягательно есть». И приказала меня нага своим людем взашей з двора збить.

Будучи за двором наг, с венцом на главе и вымазан, лег на землю. Из утра рано пришел к морю, росказал брату своему бесчашие свое, еже не без смеху делалось.

Ветр стал хорошо повевать, тако что в краткое время приехали во отечество свое, идеже жертвовали богам, причиною бывшим моему избавлению, также повесил во церкви несколько подарков, не того для что ^шиз собачья гузна (якоже пословица есть), но из осла избавлен стал быти.

^{ц-ч} В ркп. заключено в квадратные скобки. ^ш Написано над строкой.
(БАН, 17.7.12, л. 81—103 об.).

К. Ю. ЛАППО - ДАНИЛЕВСКИЙ

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ В. И. МАЙКОВА

В Центральном государственном архиве древних актов в фонде Блудовых-Паниных (ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 3175) нами был обнаружен конволют, объединяющий под одним переплетом следующие издания произведений В. И. Майкова (все они подробно опи-

саны в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» под № 3900, 3945, 1118, 3946, 3960):

1. Агриопа. Трагедия Василья Майкова. Печатана в Москве 1775 г. 67 с.

2. Фемист и Иеронима. Трагедия Василья Майкова. Печатана в Москве 1775 г. 67 с.

3. Метропа. Трагедия господина Волтера. Переложена в стихи из Русския прозы Васильем Майковым. В Москве при государственной Военной коллегии 1775 г. 83 с.

4. Торжествующий Парнас, пролог по выздоровлении от прививныя оспы ее императорского высочества. Сочинение В. М. В Москве 1775 г. Печатано вторым тиснением. 8 с.

5. Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову (три нумерованные страницы, подпись «В. М.»; на четвертой — «Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову» А. П. Сумарокова, подписанный инициалами «А. С.»; кстати, в «Сводном каталоге» отдельное издание «Ответа» не зафиксировано).

На странице, предшествующей титульному листу первого издания, вошедшего в конволют, находится автограф неизвестного стихотворного посвящения В. И. Майкова. Приведем его текст, несколько «дополнив» пунктуацию:

Графу Петру Ивановичу
Его сиятельству Панину

России рану ты сердечну излечил,
котору лютый змий соделывал ей злобно,
и в дар за то сердца ты наши получил,
склоня их мужеством твоим к себе удобно.
Ты дерзость низложил предрезких Агарян;
тобой и внешний враг, и внутренний попраи,
езде был славен росс, водим твоей рукою.
Везде ты, Панин, нам отверзл врата к покою.
И се уж слава в свет помчалася твоя,
и лира спешно ей последует моя,
глася твои дела и все победы громки,
дабы их ведали позднейшия потомки.

Стихи подписаны инициалами «В. М.» — обычным указанием на авторство поэта в журнальных публикациях; они, однако, отсутствуют как в сборниках поэтических произведений В. И. Майкова (1773, 1809, 1867, 1966 гг.), так и на страницах периодической печати XVIII в. Преподнесение конволюта, являющееся любопытным биографическим свидетельством, по-видимому, произошло летом 1775 г., в первой половине которого В. И. Майков переехал из Петербурга в Москву (22 июня этого года поэт был избран членом Вольного российского собрания при Московском университете; 15 июля в Москве происходили торжества по случаю заключения мира с Турцией, описанные им; 4 сентября В. И. Майков был пожалован в бригадиры и назначен главным членом в конторе Мастерской и оружейной палаты в Москве).

Именно лето—ранняя осень 1775 г. — период наибольшего внимания в обществе к П. И. Панину, связанного с заключением Кючук-Кайнарджийского мира (21 июля 1774 г.), казнь Е. И. Пугачева (10 января 1775 г.) и последовавшими затем торжествами. Восхищение В. И. Майкова вызвали не только военные подвиги П. И. Панина и суровое подавление им крестьянского восстания, а также, по-видимому, тот факт, что его адресат поступился своими претензиями к Екатерине II, когда дело зашло об общесловных интересах (осознававшихся, правда, как общегосударственные).

Эти соображения позволяют, на наш взгляд, изменить датировку одного из составивших конволют изданий. Вслед за П. А. Ефремовым, автором библиографии к «Сочинениям и переводам В. И. Майкова», отдельная публикация «Оды о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» относилась исследователями к 1776 г.¹ Основанием для подобного заключения было появление данных стихотворений В. И. Майкова и А. П. Сумарокова в майском номере 1776 г. «Собрания разных сочинений и новостей». На расхождение орфографии и пунктуации в отдельной и журнальной публикациях указал еще П. Н. Берков, сделавший на основании текстов вывод о более раннем напечатании брошюры.² Скорее всего, конволют был составлен из изданий только 1775 г. и подарен П. И. Панину, возможно во время визита, возможно во время состоявшейся у общих знакомых встречи.

Пребывание П. И. Панина в Москве в январе—феврале 1775 г. зафиксировано документально,³ однако время триумфа еще не наступило — впереди были хлопоты по благоустройству разоренных пугачевщиной областей, отъезд в провинцию. С честью выполнив возложенные на него поручения, известный самостоятельностью суждений военачальник вскоре опять оказывается не у дел — 9 августа 1775 г. Екатериной II был дан рескрипт о его отставке.⁴ Видимо, во время последовавшего вскоре приезда в Москву состоялась интересующая нас встреча — как отмечал еще П. И. Лебедев, первый биограф братьев Паниных, опальный вельможа пользовался здесь всеобщей симпатией: «Граф Петр Панин в то время отдыхал (как мы знаем, не совсем по своей воле) на лаврах после совершенного им *подвига* (т. е. подавления пугачевщины; курсив автора, известного в 1860-х гг. прогрессивностью своих воззрений. — *К. Л.-Д.*). По странному складу нашего общества, почти всегда симпатизирующего тем, которые впадают

¹ Сочинения и переводы В. И. Майкова. СПб., 1867. С. 570; *Геннадии Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях. Берлин, 1880. Т. 2. С. 275. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1964. Т. 2. С. 198.

² *Сумароков А. П.* Избр. произведения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 567.

³ Сборник русского императорского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С. 200—208.

⁴ Там же. С. 213.

в немилость, Папши пользовался уважением, доходившим до обожания».⁵

Как представляется, именно в конце лета — начале осени 1775 г. конволют был подарен В. И. Майковым П. И. Панину. Ввиду последовавшего затем отъезда П. И. Панина в свои вотчины поднесение книги в 1776 г. маловероятно, что позволяет датировать отдельное издание «Оды о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» В. И. Майкова (как и ответ на нее) 1775-м г.

⁵ *Лебедев П.* Графы Никита и Петр Панины. СПб.: «Общественная польза», 1863. С. 225.

Н. П. М О Р О З О В А

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XVIII ВЕКА
В БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Одним из интересных источников для изучения проблемы «писатель и общество» могут служить биографические предания о русских писателях XVIII в. Существовая на грани устной и письменной культуры,¹ эта литературная форма отразила важные моменты истории восприятия русским обществом XVIII столетия личности писателя.

Петровская эпоха, отводя в иерархии своих важнейших дел скромное место литературному труду, оставила немногочисленные предания о жизни занятых им людей. Одно из них рассказывает о переводчике Волкове, которому царь «задал огромную работу — именно переводить «*Le jardinage de Quinity*». Хотя Волков был человек очень способный, но все-таки этот труд был ему не по силам: в сочинении на каждом шагу попадались французские технические выражения, совершенно неизвестные в русском языке. Отчаяние овладело переводчиком, и он, перерезав себе артерию, прекратил таким образом жизнь».²

Предания о переводчиках — основном типе литератора Петровской эпохи — явление крайне редкое. Отсутствие интереса

¹ См.: *Дрובהва Н. П.* Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII — начало XIX в. // XVIII век, Л., 1981. Сб. 13. С. 275—283.

² *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 226.